

Е. А. Резван

Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

DOI 10.69538/PV.2024.69.76.010

ТЮРКСКИЙ МИР ПЕТЕРБУРГСКОЙ КУНСТКАМЕРЫ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Об истории человечества можно будет
только тогда говорить, когда в нее
полноправно войдет история Востока.
В этом отношении истории Средней
Азии и специально Восточного Туркестана
имеют громадное значение.
*С. Ф. Ольденбург*¹.

История формирования коллекций Кунсткамеры захватывающе интересна, но по разным причинам исследована и описана лишь фрагментарно. Возникновение фондов Музея связано с деятельностью выдающихся государственных деятелей, замечательных исследователей и путешественников, стоявших у истоков европейского народоведения, с командировками русских офицеров, разведчиков, дипломатов, с деятельностью Русского географического общества, которое активно продолжило работу, начатую первыми академическими экспедициями.

С самого начала своего существования в Кунсткамере хранились памятники, связанные с турецкой и шире — тюркской культурой, такие, например, как турецкая пороховница², «стеклянный стакан с крышкой, камнями украшенный, который некогда от турецкого вазира царю российскому в подарок прислан был», «одежда татарских жен», «медальное, татарским письмом внутри и снаружи насеченное блюдо», собрание «многих азиатских редкостей, которые внес в Кунсткамеру доктор Буксбаум, отправившийся в 1724 году в Константинополь... в должности посольского врача»³, «золотая вы-

¹ *Ольденбург С. Ф.* Русские археологические исследования в Восточном Туркестане // Казанский музейный вестник. № 1—2. Казань, 1921. С. 30.

² Сегодня в собрании Эрмитажа. См.: *Копанева Н. П., Вилинбахов Г. В., Кистемакер Р. Е., Мейерс Д. Й.* «Нарисованный музей» Петербургской Академии наук. 1725—1760. Т. I. СПб., 2003. С. 199.

³ *Бакмейстер И. Г.* Опыт о библиотеке и кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-Петербургской Императорской академии наук. [СПб.], 1779. С. 114—115. Иоганн Христиан Буксбаум (Johann Christian Vuxbaum, 1693—1730) — немецкий естествоиспытатель, исследователь Юго-Восточной Европы, Малой Азии и Кавказа, первый академик ботаники и натуральной истории в Санкт-Пе-

пуклая крышка с бирюзами (татарские жены подобно такие ж металлические зеркала, в которых они хранят свои румяна, для украшения на грудях носят)», «ковш золотой с ручкой, на поле и на дне онаго вырезаны разные фигуры с арабской подписью чагатайского диалекта, который во время Тамерлана употребляли», «разные золотые Индийские и Татарские кинжалы, из коих один оправлен финифтью, а другие осыпаны жемчугом и красными яхонтами», «ноздраватый камень темно-пурпурного цвета <...>, которым турки и татары обыкновенно в банях своих трутся», «две золотых скуфьи, одна в другую вложенных <...>, которые Бухарцы обыкновенно употребляют вместо шлемов», «золотые серьги <...>, которые татарские жены <...> носят в ушах», «перо Валашского Господаря¹, которое обыкновенно ему дается от турецкого Султана в знак подтверждения его владений», «турецкий рог для держания пороха, сделанный <...> из большой жемчужной раковины и оправленный вызолоченным серебром»². Этот список легко можно продолжить. Важно, что одновременно появились и талантливые специалисты, способные изучать тюркское наследие. Одним из них стал, например, профессор-ориенталист Георг Яков Кер (Kehr, 1692—1740), который занялся изучением татарских и турецких надписей, привезенных академиком Готтлибом Фридрихом Вильгельмом Юнкером (Junker, 1705—1746) из экспедиции в районы нижнего течения Дона, побережья Азовского моря и Крыма³.

Сведения о предметах по традиционной культуре тюркских народов в собрании Кунсткамеры встречаются уже в вышедшем в свет в 1800 г. Каталоге-путеводителе по музею, принадлежавшем перу «Императорской Академии наук унтер-библиотекаря» Осипа Беляева (ок. 1763—1807). Приводимый ниже текст позволяет в некоторой степени представить и интерьер Кунсткамеры, и организацию музейной экспозиции тех лет (речь идет о представлении традиционной культуры казахов):

Статуя киргизца. Шестая восковая статуя изображает киргизца в собственном его одеянии. Народ сей разделяется на три орды, то есть: на большую, среднюю и малую.

тербургской Академии наук. Описал ряд новых видов растений, собрал обширные ботанические и этнографические коллекции.

¹ Т. е. джика/эгрет господаря (правителя) Валахии.

² Малозёмова Е. И. Холодное оружие народов Ближнего Востока в коллекциях МАЭ // Образы и знаки в традициях Южной и Юго-Западной Азии. СПб., 2015. С. 363—370.

³ Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII—середина XIX в.). СПб., 2002. С. 27—30.

Описание киргизца. Киргизцы имеют вид приятный и свободный; глаза у них веселые. Они от природы одарены изрядным разумом; пышны, прохладны, ласковы, любострастны, и следовательно не кровожаждущи. Грабительства их, так же жестокость и несправедливости должно почесть паче следствиями сурового и необузданного их рода жизни, нелепого стремления к мщению и ложных понятий о чести и смелости, нежели природным к тому влечением: почему они совокупно с распространением торговли с Россиею нарочито и во нравах своих исправляются. Женщины их похваляются за домовитость, добросердечие и соболезнование о невольниках, кои часто облегчают они беги не без собственной своей опасности.

Одежда киргизцев. Киргизцы одеваются по восточному обычаю, но лучше других татар. Мужчины бреют голову и оставляют только усы да хохол. Штаны у них широкие; у полусапог их каблочки долгие острые, носки острые же, а подошвы подбиваются множеством мелких гвоздей, и швы сапог строчат иногда золотом. Рубахи редко из них кто носит, а вместо оных служит долгий тонкий нательник. Подобное сему нижнее платье делается из шелковой или другой какой материи, называемое у них чапак, а верхнее платье, у коего рукава обыкновенно бывают широкие, к низу суженные, именуется чепков. Пояс заменяет у многих сабельная португепя, к которой у некоторых привешен табачный прибор, огниво и нож. Нижняя шапочка или скуфейка остроконечна и вышитая; верхняя же, подобная кеглю, делается с ушками, которые загибаются и придают ей вид корабля, а верх ее украшается кистью. Платье шьют они из китайки, сукна, а особливо красного, или из шелковых, по большей части пестрых и дорогих материй, и опушают верхнее одеяние выдрами.

Женское киргизское одеяние. Одевание киргизских женщин совсем сходно с одеянием китайских татарок. К волосам прикрепляют они обыкновенно широкое, корольками покрытое и кисточками распещренное украшение (куйрук), совершенно подобное тому, какое в употреблении у черемисянок. По будням покрывают они голову фатою, в праздничные же дни надевают чепцы, башкирским подобные и покрытые монетами и прочим украшением. Многие, а особливо знатные, обвертывают голову разными материями наподобие турецкой высокой чалмы. Девки заплетают волосы во многие маленькие косы. Дочери знатных людей и салтанши отличаются от прочих торчащими в волосах наподобие рогов пригожими цаплиными шеями. Богатые и знатные женщины носят платье шелковое, отчасти из дорогих материй и штофов, суконное, а иногда и бархатное; и сверх того окладывают они платье свое нередко снурками и золотыми позументами или опушают выдрою ¹.

¹ *Беляев О. П.* Кабинет Петра Великого. Отделение второе, содержащее в себе подробное историческое описание всех вообще достопамятных как естественных,

Важнейший этап изучения тюркского мира и пополнения профильных коллекций Музея относится к рубежу XIX—XX вв. Он был связан с началом последовательного присоединения к России областей Средней Азии, которое осуществлялось в ходе соперничества с Англией в рамках «Большой игры»¹. Именно этот этап в жизни музея связан с именем В. В. Радлова.

С именем В. В. Радлова (1837—1918) — одного из основоположников сравнительно-исторического изучения тюркских языков, этнографа, археолога, организатора науки и музейного дела, академика Петербургской Академии наук, многолетнего и необычайно успешного директора МАЭ — связан целый ряд важнейших достижений в истории музея. При этом важно, что к шестидесятым годам XIX в., когда началась его научно-исследовательская деятельность, российское востоковедение вообще и тюркология в частности достигли весьма значительных успехов². Тем не менее без его имени невозможно представить историю изучения Алтая, Сибири и Центральной Азии. Наследие Радлова многообразно: это книги и статьи, экспедиции, музейные коллекции, международные научные школы — учениками его учеников считают себя многие ученые как в России, так и за ее пределами. Придя на пост директора МАЭ в 1894 г. с должности директора Азиатского музея и возглавляя его четверть века, он сумел превратить Музей в научный музейный центр европейского уровня. Нужно было организовать пополнение, регистрацию и научное описание коллекций, создать новую современную экспозицию, обеспечить издание научных трудов. В основу деятельности Музея был положен принцип *собирания путем систематических научных экспедиций*. Всё требовало самого неотложного решения: финансы, помещения, но главное — кадровый состав, ведь в 1894 г. Радлов застал в Музее, пережившем серию реорганизаций, лишь одного хранителя.

В тот период учебные заведения России не готовили студентов по специальности «этнография», но Радлов сумел найти нестан-

так и искусственных вещей, в Кунсткамере Санкт-Петербургской Императорской Академии Наук сохраняющихся, с присовокуплением многих таблиц, и разных любопытных анекдотов. СПб., 1800. С. 188—191

¹ В краткой статье у нас нет возможности даже упомянуть названия крупнейших коллекций, появившихся в Музее в это время, как и имена их собирателей, мы отсылаем читателя к наиболее важным работам по теме: *Басханов М. К., Резван Е. А.* Кашгар. Фотолетопись Большой игры (коллекции Н.Ф. Петровского и Я. Я. Лютша в собрании МАЭ РАН) СПб., 2021; *Резван Е. А.* Между Туркестаном и Тибетом: Салары. СПб., 2010; *Резван Е. А.* Туркестан. СПб.; Алматы, 2016 (серия «Мой мир ислама», т. 1). С. 273—311.

² *Кононов А. Н.* В. В. Радлов и отечественная тюркология // Тюркологический сборник. 1971. М., 1972. С. 7—8.

дартное решение. В 1897 г. он привлек к работе прекрасного сибирского этнографа и археолога, ссыльного народовольца Д. А. Клеменца (1847—1914). Годом позднее он отправил его в Турфанскую экспедицию (Китайский Туркестан), благодаря которой в России появились древнеуйгурские памятники, и Радлов немедленно начал их изучение и публикацию. Чтобы в 1901 г. принять на работу одного из создателей знаменитой ленинградской этнографической школы, в будущем — члена-корреспондента АН СССР Л. Я. Штернберга (Sternberg, 1861—1927), Академия наук выхлопотала ему трехмесячное право жительства в столице: «И каждые три месяца акад. В. В. Радлов или акад. К. Г. Залеман отправлялись в тогдашнее Охранное отделение хлопотать о продлении разрешения. Дело в том, что на Льве Яковлевиче лежало тогда два несмываемых "позорных пятна": он был революционер, политический преступник, а во-вторых, еврей, еврей без диплома высшего учебного заведения»¹.

Именно при Радлове МАЭ стал одним из безусловных лидеров мировой этнографической науки, послужившим образцом для реорганизации французских музеев (в частности, Музея человека в Париже)². Сегодня именно Радлова можно по праву назвать создателем Музея антропологии и этнографии, пришедшего на смену Петровской Кунсткамере.

Принципиально важно, что уже начиная с 1866 г. ежегодно издаются труды самого В. В. Радлова, которые составили «целую энциклопедию совершенно новых данных по тюркской лингвистике, этнографии, географии и археологии Западной Сибири, Алтая, Средней Азии»³. Собирая в поле материалы для своего знаменитого труда «Образцы народной литературы тюркских племен...»⁴, он сформировался как тюрколог-универсал, равно глубоко интересовавшийся диалектологией, лексикографией, лексикологией, сравнительной и исторической фонетикой, грамматикой тюркских языков, этнографией и археологией, фольклором и историей тюркских народов. Глубоко понимая значение полевых исследований, он всячески способствовал экспедициям своих учеников.

¹ Ратнер-Штернберг С. А. Лев Яковлевич Штернберг и Музей антропологии и этнографии Академии наук // Сборник МАЭ. Т. VII. СПб., 1928. С. 32—33.

² Матвеева П. А. «Все человечество едино»: В. В. Радлов и МАЭ. СПб., 2014. С. 164.

³ Штернберг Л. Я. Из жизни и деятельности В. В. Радлова // Живая старина. Т. XVIII. Вып. II—III. СПб., 1909. С. 16.

⁴ Наречия тюркских племен, живущих в южной Сибири и Дзунгарской степи. I отделение. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Собраны В. В. Радловым. Ч. I—IV. СПб., 1866—1872; Наречия северных тюркских племен. I отделение. Образцы народной литературы северных тюркских племен. Собраны В. В. Радловым. Ч. V—VII. СПб., 1885—1896.

Так в 1887 г. он представил в Русское географическое общество «Записку», в которой обосновал необходимость этнографо-лингвистической экспедиции для изучения «тюркских племен» Сибири и Восточного Туркестана и предложил отправить туда совсем молодого Н. Ф. Катанова (1862—1922), впоследствии профессора Императорского Казанского университета и Казанской духовной академии, доктора сравнительного языкознания, известного этнографа и фольклориста-тюрколога¹. Его в высшей степени продуктивная экспедиция состоялась в 1889—1892 гг. В 1890 г. Радлов организует экспедицию второго своего ученика П. М. Мелиоранского (1868—1906) в Оренбургскую губернию для изучения «киргизского наречия». В ходе поездки был собран значительный материал по языку и фольклору, который стал основой серии очень интересных публикаций. П. М. Мелиоранский вошел в историю российской тюркологии как исследователь тюркских языков и памятников древнетюркской письменности.

В. В. Радлову, имевшему заграничный диплом, по правилам того времени не позволялось читать лекции в университете, и он создает в своей квартире кружок, объединивший талантливую молодежь. А. Н. Самойлович (1880—1938), в будущем — один из крупнейших российских тюркологов первой половины XX в., писал в 1915 г. своему не менее выдающемуся коллеге В. А. Гордлевскому (1876—1956): «Давнишняя моя идея объединить русских тюркологов начинает, по-видимому, осуществляться: по моей инициативе 12 сентября основан на квартире Радлова частный кружок "алтаистов" (турецко-монгольско-маньчжурский); его задачи: объединение научной работы, установление планомерности, подведение итогов, выработка программ, коллективная разработка вопросов, превышающих единичные силы. Были: Радлов, Котвич, Руднев, Штернберг, Владимирцов и я»².

¹ Библиотека Н. Ф. Катанова сегодня хранится в Институте тюркологических исследований при Стамбульском университете. Библиотека была приобретена в 1914 г. в Казани премьер-министром Турции Хильми-пашой (1855—1922). Она включает 7325 томов на 22 языках. Не так давно турецкие ученые приступили к планомерному изучению и описанию библиотеки Катанова.

² Баскаков Н. А. А. Н. Самойлович в письмах к В. А. Гордлевскому // Александр Николаевич Самойлович: научная переписка, биография. М., 2008. С. 9. В. Л. Котвич (Władysław Kotwicz, 1872—1944) — русский и польский лингвист (в 1891—1924 гг. работал в России), востоковед, специализировавшийся, главным образом, в области языков алтайской семьи. Член-корреспондент Российской академии наук (1923), действительный член Польской академии знаний, председатель Польского востоковедческого общества (1922—1936). А. Д. Руднев (1878—1958) — монголовед, фольклорист, лингвист и музыкант, профессор Восточного факультета Императорского Санкт-Петербургского университе-

В 1896 г. Императорское Русское географическое общество передало Азиатскому музею Академии наук мешок с фрагментами рукописей, собранных видным участником Большой игры, военным географом, этнографом и археологом П. К. Козловым (1863—1935) в период работ Центральноазиатской экспедиции 1893—1895 гг. Они были просмотрены и высоко оценены ведущими на тот момент отечественными специалистами С. Ф. Ольденбургом (1863—1934), одно время возглавлявшим в МАЭ Отдел древностей Русского и Китайского Туркестана, и В. В. Радловым. Важность материалов была такова, что, помимо упомянутой выше поездки Н. Ф. Катанова, уже 1898 г. состоялась экспедиция сотрудника МАЭ Д. А. Клеменца (1848—1914) в Китайский Туркестан, организованная МАЭ¹. Результаты этой поездки превзошли все ожидания, изучением и публикацией привезенных рукописных памятников занялся сам Радлов. В МАЭ строились обширные планы дальнейшего изучения края. В своем письме Ольденбургу Клеменц напишет, что «в Турфанском крае хватит работы на сто лет на всю Европу»².

Русские успехи в исследовании Китайского Туркестана по достоинству оценила мировая научная общественность. В 1902 г. на XIII Международном конгрессе ориенталистов была образована Международная ассоциация для изучения Средней и Восточной Азии, главным органом которой стал Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и лингвистическом отношении (РКСВА). Важно, что именно Радлову принадлежит громадная роль в организации и координации международных научных миссий в Восточный Туркестан, соперничество вокруг которого (в том числе научное и археологическое) по своей

та. В 1897 и 1904 гг. (в рамках экспедиции, организованной Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии), путешествовал по Калмыцкой степи, собрав громадный фольклорный материал. С 1910 г. — официальный представитель Императорского Русского географического общества в РКСВА. Б. Я. В л а д и м и р ц о в (1884—1931) — специалист в области монгольского языкознания, литературы, а также истории и этнографии монгольских народов, академик АН СССР (1929). Одним из первых понял важность изучения позднейших заимствований в монгольских и тюркских языках, носящих взаимный обоюдонаправленный характер. Временная перспектива актуальности этой проблематики была задана «Опытом словаря тюркских наречий» В. В. Радлова, который был завершен изданием в 1911 г. и в котором были отмечены или зафиксированы многие монгольские заимствования в тюркских языках.

¹ См.: *Ольденбург С. Ф.* Указ. соч.; [*Клеменц Д. А.*] Турфанская экспедиция Д. А. Клеменца 1898 г. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках. М.; Л., 1940 (Труды Архива АН СССР. Вып. 4).

² Цит. по: *Басаргина Е. Ю.* Императорская Академия наук на рубеже XIX—XX веков. М., 2008. С. 274.

остроте во многом напоминало советско-американскую конкуренцию в освоении космоса.

Формально РКСВА функционировал при Министерстве иностранных дел, что объяснялось важностью дипломатических контактов в предстоящей работе. В состав РКСВА вошли представители различных министерств — финансов, иностранных дел, военного, внутренних дел. Довольно скоро стало очевидным, что в силу естественного развития событий Комитет превратился в «экспедиционный отдел» МАЭ, и значительная часть материалов, собранных благодаря инициативе его руководства, поступала именно сюда (в Азиатский музей передавалась большая часть рукописей). Множество экспедиций РКСВА были «предприняты по инициативе и планам музея, причем многие командированные лица получали инструкции и подготовку в музее»¹.

За годы существования РКСВА МАЭ удалось осуществить ряд важнейших экспедиций в Восточный Туркестан. Здесь можно упомянуть поездки ученика Радлова и сотрудника МАЭ С. Е. Малова (1880—1957)², совершенные в 1909—1911 и 1913—1915 гг.³, и экспедицию М. М. Березовского (1848—1912) в Кучу (1905—1908)⁴,

¹ Важно, что Русский комитет имел также право открывать филиалы, иметь постоянных представителей и членов-корреспондентов на местах. Комитет активно взаимодействовал с сотрудниками местных научных обществ, подобных, например, «Туркестанскому кружку любителей археологии».

² С. Е. Малов, член-корреспондент АН СССР (1939), получил известность как блестящий специалист по живым и вымершим тюркским языкам народов СССР и сопредельных стран. Его перу принадлежит около 170 публикаций по языку, фольклору, истории и этнографии тюркских народов Центрального и Западного Китая, Монголии, Средней Азии и Казахстана, Сибири и Поволжья. Он был первым специалистом, научно описавшим ряд тюркских языков; открыл, исследовал и опубликовал множество древних тюркских письменных памятников, а также участвовал в создании алфавитов и орфографических правил языков народов СССР, которые не имели собственных национальных систем письма.

³ См.: *Suvarṇaprabhāsa*. (Сутра Золотого Блеска): Текст уйгурской редакции / Изд. В. В. Радлов и С. Е. Малов. Ч. I—VIII. СПб., 1913—1917 (*Bibliotheca Buddhica*. XVII); *Suvarṇaprabhāsa* (Das Goldglanz-Sūtra): Aus dem uigurischen ins deutsche übersetzt von Dr. W. Radloff. Nach dem Tode des Übersetzers mit Einleitung von S. Malov herausgegeben. Ч. I—III. Л., 1930 (*Bibliotheca Buddhica*. XXVII); *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. М.; Л., 1951; *Малов С. Е.* Уйгурские наречия Синьцзяна: тексты, переводы, словарь. М., 1961. См. также: *Абрамзон С. М.* Этнографические исследования С. Е. Малова // Тюркологический сборник 1975. М., 1978. С. 12—25.

⁴ Будучи в первую очередь выдающимся орнитологом, Березовский в ходе своей экспедиционной деятельности проявил себя также как талантливый археолог и этнограф. См., например: *Березовский М. М.* Находки уйгурских рукописей манихейского содержания. Известия Императорской Археологической ко-

но в первую очередь — две экспедиции под руководством С. Ф. Ольденбурга (1909—1910, 1914—1915), благодаря чему в МАЭ из Восточного Туркестана поступило около десяти тысяч предметов, в том числе уникальные памятники культуры из Кучи, Дуньхуана, Карашара, Турфана¹.

Восточный Туркестан (ныне — Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР) был важным, но далеко не единственным направлением обширной экспедиционной деятельности МАЭ, резко возросшей на рубеже веков. Из наиболее значительных по результатам предприятий Музея в тот период здесь следует упомянуть экспедиции Г. М. Осокина (ок. 1860—1914) в Монголию (1897)², С. М. Дудина (1863—1929) в Северный Казахстан (1899)³.

Экспедиции и труды Русского комитета, объединявшие научный энтузиазм с серьезной государственной поддержкой, оказались во многом этапными не только для российской, но и для мировой науки. Научная обработка громадного массива привезенных тогда материалов была в основном закончена только к концу XX в. Между 1865 и 1931 гг. в Китайском Туркестане прошла 41 знаковая экспедиция, 18 из них были организованы в России⁴.

миссии. Прибавление к выпуску 34-му. (Хроника и библиография, вып. 17.) СПб., 1910. См. также: *Воробьева-Десятовская М. И.* Экспедиция М. М. Березовского в Кучу (1905—1908) // *Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX—начале XX века: Сб. ст. / Под ред. И. Ф. Поповой.* СПб., 2008. С. 65—74; *Бухарин М. Д.* Русские Туркестанские экспедиции 1909—1910 и 1914—1915 гг.: итоги и перспективы изучения архивных материалов // *Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки.* № 1. М., 2021. С. 9—22.

¹ Подробнее см.: *Кисляков В. Н.* Русский Комитет для изучения Средней и Восточной Азии (РКСВА) и коллекции по Восточной Азии МАЭ РАН // *Кюнеровский сборник: Материалы Восточноазиатских и Юго-Восточноазиатских исследований. Этнография, фольклор, искусство, история, археология, музееведение.* 2011—2012. Вып. 7. СПб., 2013. С. 114—131.

² *Осокин Г. М.* Материалы к этнографии Западного Забайкалья: Заметка о жизни бурятских лам: Сообщение в заседании Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества 19 декабря 1897 г. // *Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества.* М., 1898. О нем см.: *Очирова А. Ч., Батомункуева Н. В.* Кяхтинский купец и этнограф Г. М. Осокин. Труды кяхтинского краеведческого музея им. академика В. А. Обручева // *Материалы международной научно-практической конференции «Кяхта: история, наследие, современность», посвященной 290-летию г. Кяхта.* Кяхта, 2018. Улан-Удэ, 2018. С. 70—74.

³ См.: *Резван Е. А.* Туркестан. С. 103—137.

⁴ См.: [*Елихина Ю. И.* и др.] *Пещеры тысячи будд = The caves of one thousand buddhas: российские экспедиции на Шелковом пути: к 190-летию Азиатского музея: каталог выставки.* СПб., 2008. С. 477—478.

Здесь нельзя не упомянуть академика В. В. Бартольда (1869—1930) — выдающегося российского исламоведа, тюрколога и арабиста¹. Он с момента основания был секретарем Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии, с 1918 по 1930 гг. являлся руководителем Радловского кружка при МАЭ. В 1918—1921 гг. представлял МАЭ в Отделении исторических наук и филологии РАН, в 1921 г. был избран директором МАЭ. В сложнейшие после-революционные годы Бартольд стал организатором Тюркологического кабинета, который размещался в его личной квартире и располагал его личной библиотекой. Бартольд — один из ключевых организаторов Первого Всесоюзного тюркологического съезда в Баку (1926 г.), он читал лекции в ряде крупнейших университетов, включая Баку и Стамбул. Среди организованных им экспедиций можно отметить историко-археологическую экспедицию в Семиреченскую область и Восточный Туркестан (1893), археологические раскопки в окрестностях Самарканда (1904 г.), научную поездку по Южному Уралу, Сибири и Средней Азии (1913 г.). Коллекции, связанные с именем Бартольда, также хранятся в МАЭ.

В это же время собрания МАЭ обогатились ценнейшими предметными коллекциями, связанными с культурой и историей тюркских народов. Эти собрания — свидетельство как напряженной собирательской работы, которая на протяжении многих лет велась российскими учеными, так и плодотворного взаимодействия Музея со многими представителями тюркской интеллигенции. В рамках этого очень краткого текста я хочу упомянуть в качестве примера лишь две очень разные коллекции. Одна из них (МАЭ РАН, № 439) — щедрый дар МАЭ, поступивший в 1899 г. от Лаикжана Биркимбаева и Хасана Имамбаева, состоятельных гостей имперской столицы, включает 88 предметов (по большей части выдающегося качества). Среди них — богатый мужской пояс (казах. *kise*) из лошадиной кожи, украшенный крупным сердоликом и позолоченными серебряными бляхами ромбовидной формы. В коллекционной описи 1899 г. сказано: «Такой пояс носили еще в середине XIX в. и одевали обычно богатые люди и батыры поверх халата. По данным собирателя, этот пояс принадлежал брату Кенесары-хана»². На поясе есть имя владельца — Кадырбай³. В ходе реставрации пояса под централь-

¹ Лукин Б. В. Жизнь и деятельность академика В. В. Бартольда. Ташкент, 1981.

² МАЭ РАН. Опись № 439–15. К е н е с а р ы К а с ы м о в (1802—1847) — казахский государственный и военный деятель из рода чингизидов, внук Абылай-хана (1711—1781). Согласно казахской историографии, с 1841 года — последний хан всех трех жузов.

³ У нас нет оснований считать всю эту информацию недостоверной, но для ее проверки необходимо провести серьезное генеалогическое исследование. Извест-

ной бляхой его сумки был обнаружен интересный текст, написанный на бумаге арабицей¹.

Несомненно очень интересна и имеющая значительную художественно-историческую ценность коллекция плоских кожаных кукол театра Карагёз (МАЭ РАН № 6333), приобретенная в Турции В. В. Протопоповым (1866—1916), известным русским драматургом, писателем и журналистом². Коллекция из 14 кукол и двух театральных декораций датируется началом XX в. Все куклы вырезаны из выделанной особым образом выскобленной верблюжьей или ослиной кожи.

В очень непростых условиях, вызванных революцией 1917 г., гражданской войной, масштабной научно-идеологической перестройкой, инициированной новой властью³ именно Радловский кружок и Тюркологический кабинет, упомянутые выше и тесно связанные с Музеем, позволили сберечь достижения и традиции отечественной тюркологии.

Поставив новые научные задачи, советская власть немедленно приступила к их реализации⁴. Так, уже в 1926 г. под общим руководством В. В. Бартольда приступила к работе упомянутая выше Среднеазиатская этнологическая экспедиция АН СССР. Проводившиеся на протяжении четырех лет исследования охватили огромную территорию и серьезно обогатили как предметные, так и иллюстративные коллекции Музея. Антропологическое направление экспедиции возглавлял Б. Н. Вишневский (1891—1965), бывший в 1923—1933 гг. ученым хранителем МАЭ.

В июне — ноябре 1931 г. в Самаркандском районе Узбекской ССР, работала Среднеазиатская этнографическая экспедиция АН СССР, в состав которой входили молодые сотрудники МАЭ А. И. Фёдоров (о судьбе которого практически ничего не известно) и Е. П. Николаичева (1905—?). Задачей экспедиции был сбор этнографических сведений и статистических данных по состоянию сельского хозяйства, земледельческой и ремесленной культуры, колхозному и пар-

но, что у отца Кенесары было множество сыновей от нескольких жен, кроме того, само понятие «брат» могло быть здесь использовано в более широком понимании и означать, например, брата по второстепенной родственной линии, что вполне допускалось традицией.

¹ Подробнее см.: Резван Е. А. Туркестан. С. 300—302. О богатых предметных и иллюстративных коллекциях той поры, поступивших из Казахстана и близлежащих территорий см.: Там же. С. 273—311.

² См.: Серебрякова М. Н. Турецкий теневой театр Карагёз // Образы и знаки в традициях Южной и Юго-Западной Азии. СПб., 2015. С. 227—254.

³ Резван Е. А., Кудрявцева А. Ю. Ислам в фотоколлекции Императорского православного палестинского общества. Каталог выставки. СПб., 2023. С. 15—16.

⁴ Гаген-Торн Н. И. Ленинградская этнографическая школа в двадцатые годы (у истоков советской этнографии) // Советская этнография. М., 1971. № 2. С. 134—145.

тийному строительству, ликвидации неграмотности, пионерскому, комсомольскому и женскому движениям. Речь, по существу, шла о фиксации «ростков новой жизни» в советской Средней Азии. В этой связи ключевой целью экспедиции было приобретение экспонатов для реэкспозиции отдела Передней и Средней Азии МАЭ. Сегодня привезенные членами экспедиции предметы являются по-настоящему уникальными¹.

Список подобного рода экспедиционных поездок можно легко продолжить, но для нас важно упомянуть здесь еще одно имя. Речь идет о Н. П. Дыренковой (1899—1941), которая, будучи еще студенткой этнографического факультета Географического института в Ленинграде, совершает несколько самостоятельных экспедиций на Алтай, где совершенствуется в языках, собирает этнографический и фольклорный материал. После окончания института по предложению Л. Я. Штернберга Н. П. Дыренкова была оставлена на факультете. Вскоре ее, как сложившегося специалиста-этнографа, приглашают в Музей антропологии и этнографии. Здесь в кабинете Сибири она проработала десять лет (1931—1941), пройдя аспирантуру при АН СССР. Темой своей диссертации она выбрала «Мировоззрение, религиозные представления и формы культа у турецких охотничьих и скотоводческих племен тюрко-монгольских народов».

Н. П. Дыренкова придавала огромное значение экспедиционной работе. Только за время с 1924 по 1932 г. она совершила шесть экспедиций, из них три в разные годы — в Горную Шорию, затем на Алтай, в Хакаскую автономную область и Киргизию. Ею записаны тексты, представляющие различные жанры фольклора шорцев, телеутов, кумандинцев, челканцев, теленгитов, чулымских тюрок. Записи фольклорных материалов Н. П. Дыренковой по-настоящему уникальны. Она — автор нескольких грамматик тюркских языков народов Сибири (шорской, хакаской, ойротской), серии работ по традиционному мировоззрению и социальной организации народов Алтая, а также первого корпуса шорских фольклорных текстов.

Будучи ученицей С. Е. Малова, Л. Я. Штернберга и В. Г. Богораза, Дыренкова смогла объединить блестящую тюркологическую традицию, заложенную В. В. Радловым, с теоретическими достижениями и методами работы Ленинградской этнографической школы. Абсолютно справедливо то, что ее фамилия оказалась в списке из

¹ Подробнее см.: *Kudriavtceva A. Ideology and Ethnography: Uzbekistan at the Turn of the 1920's and 1930's in the Illustrative Collections of Peter the Great Kunstkamera // Manuscripta Orientalia. SPb., 2020. Vol. 26. No. 1; Кудрявцева А. Ю., Резван М. Е. От шама'илиа к агитационному плакату и обратно (по материалам коллекций МАЭ РАН) // Русский ориентализм: (наука, искусство, коллекции). СПб., 2019. С. 236—270.*

29 выдающихся тюркологов мира¹. 28 октября 1941 г., в первый год блокады Ленинграда, она умерла за своим рабочим столом в Музее, успев доделать лишь малую толику того, что задумала. Значительная часть ее блестящего неопубликованного наследия увидела свет только в 2012 г.²

Несмотря на крайне стесненные обстоятельства, сотрудники МАЭ, эвакуированные из блокадного Ленинграда в Среднюю Азию, приступили там к полевым исследованиям по своей тематике, которые были продолжены после окончания войны. Среди множества экспедиционных поездок хочу выделить работу, проведенную в 1971—1981 гг. этнографическим отрядом Среднеазиатской этнографической экспедиции, в том числе связанной с последствиями вынужденного переселения части казахов, киргизов, уйгур, дунган из Синьцзяна в 1940-е — 1960-е гг. Начальником отряда был опытный полевой исследователь А. М. Решетов (1932—2009), известный специалист по истории, культуре и этнографии монгольских, тюркских и тунгусо-маньчжурских народностей Китая и по этнографии народов Сибири³. Так в собрание МАЭ попали богатые коллекции, связанные с переселенцами из Синьцзяна, и были написаны важные разделы коллективной монографии «Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана»⁴. Здесь для нас важно безусловное сохранение научной традиции, связанной с именем В. В. Радлова.

Профильные экспедиционные исследования МАЭ были успешно продолжены и после развала СССР. Позволю себе сослаться на опубликованные материалы пяти экспедиций, организация которых была возложена на меня. Это историко-этнографическая экспедиция «Мусульмане Китайского Туркестана (уйгуры Синьцзяна, салары Цинхая)» (2008 г.)⁵, историко-этнографическая экспедиция по проекту «С. М. Дудин — фотограф, художник, этнограф. Материа-

¹ *Poppe N.* Introduction to Altaic Linguistics. Wiesbaden, 1965. С. 109. Об Н. Н. Поппе (1897—1991), лингвисте, этнографе, специалисте по алтайским языкам, тюркологии и монголоведению (члене-корреспонденте АН СССР с 1932 г.), запятившем себя добровольным сотрудничеством с нацистами в годы Второй Мировой войны и написавшем множество высокопрофессиональных работ после бегства в США, см.: *Решетов А. М.* Н. Н. Поппе: Две части одной жизни // Немцы в России: Три века научного сотрудничества. СПб., 2003. С. 482—498.

² *Дыренкова Н. П.* Тюрки Саяно-Алтая: Статьи и этнографические материалы. СПб., 2012. (Серия «Кунсткамера — Архив». Т. V.)

³ См. о нем: Проблемы общей и региональной этнографии: (к 75-летию А. М. Решетова): Сб. ст. СПб., 2007. С. 3—13.

⁴ Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана: Сб. ст. М., 1980.

⁵ Результаты экспедиции см.: *Резван Е. А.* Между Туркестаном и Тибетом.

лы экспедиции в Казахстан 1899 г.» (2010 г.)¹, историко-этнографический проект «Коныр аулие» (2011 г.)², историко-этнографический проект «Туркестан»³ (2011 и 2013 гг.), историко-этнографическая экспедиция «По следам экспедиции князя Черкасского» (2015 г.)⁴. Ежегодно либо в Казахстан, либо в Кыргызстан с экспедиционными целями выезжает И. В. Стасевич⁵, ведущий специалист Музея по этнографии тюркоязычных кочевников Центральной Азии (основное направление исследований последних лет — изучение форм адаптации традиционной культуры в современных условиях). Сегодня в Музее готовятся две диссертации, так или иначе связанные с тюркским миром Центральной Азии.

Тюркский мир Петербургской Кунсткамеры, безусловно, заслуживает не таких кратких заметок, но развернутой монографии и, если помечтать, большого выставочного альбома. Сегодня, впрочем, важно то, что наши экспедиции продолжаются!

II

Я убежден, что вы не можете утверждать, что увидели нечто достаточно глубоко до тех пор, пока не сделали фотографию, обладающую способностью обнаружить множество деталей объекта, которые, в противном случае, оказались бы невосприимчивыми.

*Эмиль Золя*⁶

К 1900 г. фототехника, эта «чудо-новинка» XIX столетия, стала важнейшим и уже обычным атрибутом различных исследова-

¹ Совместно с Центральным Государственным музеем Республики Казахстан (по маршруту: Астана, Караганда, Каркаралинск, Баян-Аул, Павлодар). Подробнее см.: *Резван Е. А. Туркестан. С. 88—193.*

² При содействии Центрального Государственного музея Республики Казахстан и Историко-краеведческого музея г. Семей (по маршруту: Восточно-Казахстанская область Республики Казахстан. Подробнее см.: *Резван Е. А. Туркестан. С. 194—237.*

³ При содействии Южно-Казахстанского Государственного университета имени М. Ауэзова (по маршруту: Сайрам, Арыстан-баба (Шаульдер), Туркестан). Подробнее см.: *Резван Е. А. Туркестан. С. 237—311.*

⁴ Совместно с Национальным филиалом Межгосударственной телерадиокомпания «Мир» в Республике Казахстан (по маршруту: полуостров Мангистау (Мангышлак), Республика Казахстан, пустыня Кызылкум, район озера Айдаркуль), Республика Узбекистан.). Подробнее см.: *Резван Е. А. Туркестан. С. 23—87.*

⁵ И. В. Стасевич очень активно занимается и историей коллекций МАЭ. См. в библиографии в конце статьи: Стасевич 2006; Стасевич 2017; Стасевич 2019; Stasevich 2016; Stasevich 2019; Stasevich 2022; Stasevich, Popova, Beknazarov 2022; Stasevich, Prichepova 2023.

⁶ Цит. по: *Сонтаг С. О фотографии. М., 2013. С. 118*

тельских проектов. Лучшее подтверждение тому — архивные фотоколлекции крупнейших этнографических музеев, взрывообразный рост которых совпадает с рубежом XIX—XX вв. Сегодня МАЭ хранит одно из наиболее значительных в мире собраний негативных и позитивных пленок, фотоотпечатков, стеклянных пластинок, открыток, зарисовок и других изобразительных материалов. Важное место в этом собрании занимают материалы, посвященные тюркскому миру. Среди них — редчайшие фотографии середины XIX в., работы выдающихся ученых и фотохудожников¹. Например, переданная в МАЭ в 1880 г фотоколлекция известного зоолога И. С. Полякова (1845—1887), выполненная среди казахов Семипалатинской области, является старейшим музейным собранием, которое целиком посвящено изучению одного народа.

Важную роль в процессе изучения южных областей государства сыграли военные фотографы². В 1856 г. при Военно-топографическом департаменте Генерального штаба было создано фотографическое отделение, и уже через два года подпоручик А. С. Муренко (1837—1875), сопровождавший миссию полковника Н. П. Игнатьева в Хиву и Бухару, получил за альбом «От Оренбурга через Хиву до Бухары. Светопись артиллерии подпоручика Муренко» малую серебряную медаль Императорского Русского географического об-

¹ Подробнее см.: *Прищепова В. А.* Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии второй половины XIX—начала XX века в собраниях Кунсткамеры. СПб., 2011.. Ср.: *Длужневская Г. В.* Историко-археологическое наследие Азиатской России в фотодокументах второй половины XIX—первой половины XX в. (по фондам научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. СПб., 2008; *Соловьева К. Ю.* Образы народов Российской империи 1860-х гг. (по материалам Этнографической выставки 1867 г.) // *Славяне Европы и народы России. К 140-летию Первой этнографической выставки 1867 года.* СПб., 2008.

² «Русская военная фотография Туркестана как исторический феномен и составная часть историко-культурного наследия бывшей азиатской окраины российской империи еще малоизучена. На сегодняшний день отсутствует единый корпус «туркестанской» фотографии, полный свод имен фотографов, их биографий и подробностей творческой деятельности. Выявление художественного наследия русских военных фотографов Туркестана затруднено разбросанностью основных архивных, музейных и библиотечных фондов, оказавшихся раздробленными между Россией, постсоветскими государствами Центральной Азии, рядом других стран. Еще менее известны состав и презентативность частных коллекций, российских и зарубежных» (*Басханов М. К.* Визуализация стратегических пространств: Туркестан и сопредельные территории в объективе русских военных фотографов // *Вестник МИЦАИ.* 33/1. М., 2022. С. 24—25). См. также в библиографии в конце статьи: *Басханов, Колесников, Матвеева* 2017; *Басханов, Шевельчинская* 2019; *Sonntag* 2007.

щества¹. В 1879 г. серебряной медали Императорского Русского географического общества за «Алтайский альбом» и альбом «Типы и виды Западной Сибири», содержащий 50 фотографий, сделанных в Семипалатинской области², была удостоена и Л. К. Полторацкая, супруга генерал-губернатора Семипалатинской области и видного гляциолога генерала В. А. Полторацкого. Она постоянно сопровождала мужа в экспедициях, принимала участие в сложных восхождениях на горные вершины Алтая и Тянь-Шаня. Список публикаций этого типа можно легко продолжить.

Такая деятельность носила системный характер: русские офицеры, участники хивинского похода (1873 г.) получили инструкцию с рекомендациями по розыску, описанию и сохранению археологических, нумизматических, эпиграфических и этнографических памятников. Автором инструкции был известный востоковед, один из первых археологов, изучавших древности Средней Азии, П. И. Лерх (1828—1884), подаривший МАЭ в 1867 г. коллекцию предметов из Бухары и Хивы. Первые раскопки на городище Афрасиаба — древней согдийской столицы и предшественницы Самарканда³ — были организованы в 1874 г. майором Борзенковым по приказу начальника Зеравшанского округа генерал-майора А. К. Абрамова.

В рамках нашей темы нельзя не упомянуть С. М. Дудина (1863—1929) — известного русского этнографа, фотографа и художника, соратника В. В. Радлова, стоявшего у истоков научного подхода к этнографической фотографии. Создав в 1911 г. специализированную фотолабораторию Музея антропологии и этнографии, одну из первых в мире⁴, Дудин фактически вошел в узкую группу основателей научного направления, которое принято сегодня называть визуальной антропологией. Важно, что его коллекционные сборы имели строго научный характер: собиратель и фотограф становился специалистом-этнографом.

Вернувшись с помощью В. В. Радлова и другого крупного исследователя Северной и Центральной Азии Г. Н. Потанина (1835—1920) в Петербург из Сибири, куда он был сослан, Дудин поступил в Императорскую Академию художеств, став учеником живого

¹ Подробнее см.: *Морозов С. А.* Русские путешественники-фотографы. М., 1953. С. 7—13, 43—49.

² См.: *Полторацкая Л. К.* Альбом типов и видов Западной Сибири. Репринтное издание 1879 г. СПб., 2010.

³ С. М. Дудин доставил в МАЭ обширную (более тысячи предметов) коллекцию из Афрасиаба (МАЭ № 1054), которая в 1930-е гг. была почти полностью передана в Эрмитаж.

⁴ Подробнее о фотолаборатории МАЭ тех лет см.: *Матвеева П. А.* «Все человечество едино». С. 175—178.

классика И. Е. Репина. Получив в 1897 г. звание художника, Дудин участвовал в художественных выставках, работал как книжный график. При этом уже тогда главным в его жизни, несомненно, было активное участие в серии экспедиций по изучению памятников Центральной Азии, организованных МАЭ. Между 1893 и 1915 гг. он принял участие в семи крупнейших экспедициях в Центральную Азию, работая в Ферганской, Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областях, в долине р. Майдантал, в Алайской долине, в Восточном Туркестане, Самарканде, в Ашхабадском, Мервском, Бухарском, Ташкентском и Ферганском оазисах. Дудин собрал богатейшие фото- и предметные коллекции для МАЭ и стал основоположником коллекции Этнографического отдела Русского музея (ныне — Российский этнографический музей) по культуре народов Средней Азии.

Лучше всего о необычайно ответственном отношении С. М. Дудина к своим обязанностям говорят его письма. Летом 1895 г. он был откомандирован в Самарканд¹. Важным аспектом деятельности экспедиции, которую возглавлял профессор Н. И. Веселовский (1848—1918), возможно, лучший знаток памятников архитектуры Самарканда в то время, было изучение, научная фиксация, охрана и создание научного проекта реставрации историко-архитектурных сооружений Средней Азии. Задачей С. М. Дудина была научная фотофиксация архитектурных памятников: «Перед съемкой я промываю те площади, которые плохо могут выйти из-за пыли и грязи, накопившейся на изразцах и мозаиках. Делаю я это всюду, куда только хватает моей лестницы», — писал С. М. Дудин В. В. Радлову². «В ожидании постройки лестниц и других плотницких работ занят съемкой общих видов фасадов, осмотром мечетей, подлежащих фотосъемке», — писал С. М. Дудин Л. Я. Штернбергу в 1908 г.³

Опыт полевой работы, полученный С. М. Дудиным, стал основой инструкции по фотографированию памятников старины Средней Азии, подготовленной в 1910 г. археологом и этнографом А. А. Миллером (1875—1935), тогда — хранителем, а в будущем — директором Этнографического отдела, для С. М. Прокудина-Горского — пионера цветной фотографии в России, создателя «Коллекции достопримечательностей Российской империи». В инструкции

¹ О результатах этой работы см.: *Дудин С. М.* Орнаментика и современное состояние старинных Самаркандских мечетей. СПб., 1903.

² Архив РАН, фонд 148, опись 1, ед. хр. 50, л. 41 об.

³ Там же, фонд 148, опись 1, ед. хр. 50, л. 33. См. также: *Толмачева Е. Б.* Развитие отечественной методики полевой этнографической фотофиксации // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2010 г. СПб., 2011. С. 174—180.

отмечалась необходимость фотографирования архитектурных памятников с разных сторон, при ровном освещении, «избегая густых теней», подчеркивалась важность внимания к деталям внутреннего вида и тщательного этикетажа, указывалось на неправильность нахождения на одном снимке разнородных предметов¹.

С. М. Дудин считал, что фотофиксацию экспедиционных материалов необходимо выполнять «по строго обдуманной и подробно составленной программе», чтобы работа не носила случайного характера². Он писал о том, что съемка постановочных сцен требует тщательного изучения модели, необходимости не только понять ее характер, но и предложить ей принять естественную позу. В другом случае он отмечал, что чтобы «добиться от действующих лиц сцены правды движений, не нужно торопиться со съемкой, и спустить затвор только тогда, когда участники сцены будут вести свою работу, уже не обращая внимания на аппарат. Для этого выгодно бывает их обмануть, сказав, что съемка уже сделана»³. Предметы домашней обстановки и орудия труда необходимо снимать на их привычных местах хранения и во время использования их в быту. В то время технически сложнее всего было фотографировать потолки и пол. Согласно Дудину пейзажные снимки должны быть основаны не на картинности вида, но передавать его типичность с характерной растительностью и состоянием почвы⁴. Основным условием удачной фотосъемки антропологических типов являлась правильная постановка головы модели: важно, чтобы на обоих снимках (в профиль и анфас) «корень носа модели и отверстия ушей располагались на одной горизонтальной плоскости»⁵.

В последней трети XIX в. один из главных культурных трендов в России был задан работами группы художников-передвижников — с их трагическим взглядом на действительность, обостренным психологизмом, социальной направленностью, стремлением к типизации и реализмом, граничащим с натурализмом. Можно увидеть прямую связь между основами творческого подхода передвижников, которые, вдохновляясь идеями народничества, вели актив-

¹ Архив РЭМ, фонд 1, опись 2, ед. хр. 491, л. 7. Подробнее см. *Solovyova K. Russian Ethnographic Photography of the 19th century and Orientalism // Manuscripta Orientalia. SPb., 2011. Vol. 17. No 2. P. 33—42.*

² *Дмитриев С. В. Штрихи к собирательской деятельности С. М. Дудина // Культурное наследие народов Центральной Азии, Казахстана и Кавказа: Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. LII. СПб., 2006. С. 102.*

³ *Дудин С. М. Фотография в этнографических поездках // Казанский музейный вестник. № 1—2. Казань, 2021. С. 51.*

⁴ *Дудин С. М. Указ. соч. С. 49.*

⁵ Там же. С. 50.

ную просветительскую деятельность, и направлением работы ведущих русских фотографов посл. трети XIX—нач. XX в. В значительной степени эта связь была основана на личных взаимоотношениях и круге общения фотографов: передвижник И. И. Шишкин (1832—1898) и выпускник петербургской Академии художеств фотограф А. О. Карелин (1837—1906); передвижник И. Е. Репин (1844—1930) и выпускник петербургской Академии художеств С. М. Дудин. Эта связь определила демократичность отношения русских фотографов к своему материалу как раз в то время, когда в этнографической фотографии Западной Европы безусловно господствовали колониальные модели. Тогда же появился первый русский теоретический труд по проблеме — «Фотография и гравюра», принадлежавший выдающемуся художественному критику и историку искусств В. В. Стасову (1824—1906)¹.

Это отнюдь не означает, что в российской фотографии этого периода имперская направленность не проявляла себя, но не она здесь задавала тон. К имперским проектам можно отнести, например, «Туркестанский альбом», созданный под руководством востоковеда А. Л. Куна (Kuhn, 1840—1888) по прямому указанию туркестанского генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана². Четырехтомный труд, включавший более 1200 снимков («целая народная галерея», по оценке В. В. Стасова), в 1875 г. получил высшую награду Парижской международной географической выставки³.

Отдельную группу представляют работы коммерческих фотографов. К 1850-м гг. туристические поездки в Стамбул, Иерусалим и Египет создали большой спрос на фотографии в качестве сувениров. В связи с этим небольшая группа фотографов тех лет отправилась на территории, входившие в Османскую империю (в первую очередь Стамбул, Иерусалим и Святую землю, а также Египет), чтобы воспользоваться этим спросом. Среди фотографов-первопроходцев были французы Феликс Бонфис (1831—1885) и Ипполит Арну (работал в период между 1860—1890 гг.), итальянский фотограф

¹ Статья была написана в 1856 г. См.: *Стасов В. В.* Фотография и гравюра. Собрание сочинений. Т. 1. СПб., 1894. С. 21—27; см. также: *Стасов В. В.* Фотографические и фототипические коллекции Императорской Публичной библиотеки. СПб., 1885.

² Ср. шеститомный проект «Народы Индии. Расы и племена Индостана», подготовленный по заказу официальных властей Британской Индии: *Watson J. F., Kaye J. W.* People of India. Races and Tribes of Hindustan. London, 1868—1875.

³ Большинство снимков было сделано владельцем фотоателье в Ташкенте Н. Нехорошевым и военным фотографом подпоручиком Г. Кривцовым. По разным источникам, было выпущено всего три, четыре, шесть или семь экземпляров альбома, известны также краткие версии. Подробнее см.: Sonntag 2007; Gorshenina, Sonntag 2018.

французского происхождения Танкред Дюма, открывший в Бейруте студию в 1860 г., итальянец Луиджи Фиорилло, начиная с 1870 г. работавший в Алжире, Египте (где открыл студию в Александрии), Палестине и Эритрее, греки братья Цангаки, о которых известно чрезвычайно мало, за исключением их инициалов К. и Г., а также того, что они работали среди прочего в Порт-Саиде и Каире примерно с 1860-х по 1890-е гг.¹ Вскоре стало очевидно, что работы такого типа имеют постоянный и всё более растущий спрос. Особым интересом пользовались области, недостаточно представленные на фоторынке той поры. К ним, несомненно, относилась и Центральная Азия.

В 2019 г. в рамках перекрестного Года культуры и туризма России и Турции в России с успехом прошла выставка «Царская Россия в фотографиях из коллекции дворца Ыылдыз». На ней и в сопровождающем выставку прекрасном каталоге² была представлена анонимная серия фотографий из Центральной Азии «Еврейская школа в Бухаре», «Повседневная одежда женщин Туркестана», «Чайхана в Ташкенте», «Развалины мечети, медресе и мавзолея Биби Ханым в Самарканде», «Лестница мавзолея Шах-и Зинда в Самарканде», «Внутренний вид дома богатого самаркандца», «Медресе Худояр-хана в Коканде», «Дворец Хивинского хана», «Мечеть и медресе Шердор». Сопоставление этих фотографий с образцами, хранящимися в МАЭ, показало, что их автором является Ф. Орде (Н. Орде, Н. Орден; в «фотографическом мире» России идут постоянные споры о его имени, ибо в кириллице он подписывал свои работы по-разному).

Француз F. Nordet — талантливый и очень плодовитый коммерческий фотограф, ориентированный в первую очередь на русский рынок. Его отпечатки размером 16 × 22 см обычно установлены в паспорту и, как правило, несут его собственную нумерацию. Известны серии 1504—1602, 1800—2000, 2745—2791.

В 1870—1880-е гг. и начале 1890-х F. Nordet работал в Центральной Азии, на Кавказе, в Персии, Афганистане (?), Киеве и Полтаве. По результатам своих поездок он выпустил четырехтомный альбом «Кавказ и Средняя Азия». Известны также его альбомы, посвященные Балканам, Бессарабии, Греции и Турции.

Представленные в этом альбоме фотографии говорят сами за себя. Конечно, как и все коммерческие фотографы, F. Nordet должен был снимать «экзотику», ибо прежде всего на нее и был спрос.

¹ Подробнее см.: Резван Е. А., Кудрявцева А. Ю. Ислам в фотоколлекции Императорского православного палестинского общества. С. 24—25.

² См.: Озьетгин М. Царская Россия в фотографиях из коллекции дворца Ыылдыз. Каталог выставки. Стамбул, 2019.

При этом, нужно отдать ему должное, — абсолютное большинство его фотографий реалистичны, хотя, как и у каждого фотографа, его взгляд избирателен.

На вопрос «что исполняло роль фотографии до изобретения фотокамеры?» известный британский историк культуры, писатель и художник Джон П. Бергер ответил так: «Вы ожидаете ответа — графика, рисунок, живопись. На самом деле точным ответом будет память»¹. Старинные фотокамеры похожи на часы. Фотография — «глаз истории», мостик между прошлым и будущим, символ господства человека над памятью. Фотографии позволяют извлечь из памяти и оживить то, что, казалось, было забыто навсегда, становясь ключом к целым пластам воспоминаний. Они создают «структуру времени» и заставляют задуматься о нем. Наконец, они помогают нам «сконструировать» самих себя.

Зеркало — образ мира. Его природа переменчива: древний символ истины, созерцания и познания олицетворяет также обманчивость, неподлинность. Исторические фотографии тенденциозны так же, как тенденциозны любые мемуары, что, однако, не снижает их значения как исторического источника. «Рефлексия» (лат. «отражение») сближает зеркало и мысль. «Князь зеркала» издревле толковали и перетолковывали наш мир. Еще в 1859 г. Оливер Венделл Холмс писал о фотографии и дагерротипе, как о «зеркале с памятью», которое «фиксирует самые быстротечные из наших иллюзий»². По мнению Вероники Нурковой, известного российского исследователя механизмов человеческой памяти, «фотография оказалась наследницей скорее не живописи, а зеркала, точнее последствием их взаимопроникновения. Но культура зеркал, фиксирующая мгновенный след части мира, текучий и неуловимый, в фотографии достигает своей предельной цели — стабильности и неизменности, а в ограниченных рамках человеческой жизни — вечности»³.

Этот текст я хотел бы завершить несколькими цитатами, важными для меня сейчас в связи с работой, посвященной этнографическому литературоведению⁴, но главное — без излишних коммен-

¹ *Berger J.* About looking. New York, 1980. P. 54.

² *Holmes O. W.* The Stereoscope and the Stereograph // *Atlantic Monthly*. June 1859. No 3. Boston, 1859. P. 740.

³ *Нуркова В. В.* Зеркало с памятью: Феномен фотографии. Культурно-исторический анализ. М., 2006. С. 265.

⁴ *Rezvan E. A.* Ethnography in Literature Studies. I: The Native Tribes («Inorodtsy») Question and «Anna Karenina» // *Manuscripta Orientalia*. SPb., 2023. Vol. 29. No. 2.

тариив, объясняющих не только тягу русских к тюркскому миру, но и важность последнего для мира русского.

День опять был ясный и теплый. Ранним утром, часов в шесть, он отправился на работу, на берег реки, где в сарае устроена была обжигательная печь для алебаstra и где толкли его. Отправилось туда всего три работника. Один из арестантов взял конвойного и пошел с ним в крепость за каким-то инструментом; другой стал изготавливать дрова и накладывать в печь. Раскольников вышел из сарая на самый берег, сел на складенные у сарая бревна и стал глядеть на широкую и пустынную реку.

С высокого берега открывалась широкая окрестность. С дальнего другого берега чуть слышно доносилась песня. Там, в облитой солнцем необозримой степи, чуть приметными точками чернелись кочевые юрты. Там была свобода и жили другие люди, совсем не похожие на здешних, там как бы самое время остановилось, точно не прошли еще века Авраама и стад его. Раскольников сидел, смотрел неподвижно, не отрываясь; мысль его переходила в грезы, в созерцание; он ни о чем не думал, но какая-то тоска волновала его и мучила ¹.

Я ехал в глубину среднеазиатских заиртышских степей, к пастухам-кочевникам. Я рисовал в своем воображении бесчисленные табуны, стада, степных всадников, перегоняющих их с места на место; старался представить себе в действительности психологию людей того мира, который для нас, горожан, существует как сказка. Мои глаза были прямо обращены туда, по краюшкам; я решил наблюдать и вечную пару Адама и Евы ².

В юрте пастухов — будто внутри воздушного шара, и даже есть вверху отверстие, которое можно открыть и закрыть. <...> Отверстие вверху закрылось, и наша юрта, похожая на воздушный шар, казалось, полетела куда-то над степью ³.

— Сказочная страна! — воскликнул я, думая, куда русский может захватить, не выходя из своих пределов. — Фантастическая страна! ⁴

Каким-то неправдоподобным, праздничным великолепием. Неистовым буйством красок. Нарядными, окованными, сверкающими самоварной медью сундуками. Многоцветными слоями стеганых

¹ Достоевский Ф. М. Собрание сочинений. Преступление и наказание. М., 2008. С. 448.

² Пришвин М. М. Адам и Ева (очерк) // Собрание сочинений в 8 т. Т. 1: Произведения 1906—1914. М., 1982. С. 699.

³ Пришвин М. М. Черный араб // Там же. С. 515, 523.

⁴ Пришвин М. М. У Чертова озера (Степной эскиз) // Там же. С. 728.

шелковых одеял на железной кровати с ослепительными никелированными спинками и набалдашниками. Букетами бархатных, расшитых золотыми или серебряными позументами мужских чапанов и женских камзолов. Пышными и яркими — как полные цветов и трав июльские лесные поляны — коврами, украшавшими круглые стены этого, казалось, невесомого, воздушного жилища»¹.

Главное, что список подобного рода цитат каждый из нас может легко продолжить.

СПИСОК УПОМИНАЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Басханов М. К., Колесников А. А., Матвеева М. Ф.* (2017) Памир, Хунза и Кашгария в экспедиционных фотографиях генерала Б. Л. Громбчевского (1888—1890). М.
- Басханов М. К., Шевельчинская С. Л.* (2019) «И с казачьего пикета был уж виден Гималай»: Памир в фотообъективе поручика Павла Родственного. СПб.
- Gorshenina S., Sonntag H. S.* (2018). Early photography as cultural transfer in imperial Russia: visual technology, mobility and modernity in the Caucasus and Central Asia / *Khazar Journal of Humanities and Social Sciences. Special Issus. Baku.* P. 322—344.
- Стасевич И. В.* (2006) Саукеле из Западного Казахстана в собрании МАЭ РАН // Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии: Материалы Международной научной конференции. С. 122—129.
- Стасевич И. В.* (2017) Коллекция Лайыкжана Беркимбаева и Хасана Иманбаева в собрании Петербургской Кунсткамеры // Вестник Актыобинского регионального государственного университета имени К. Жубанова. № 3 (49). С. 109—116.
- Стасевич И. В.* (2019) Киргизский женский традиционный костюм по фотоиллюстративным коллекциям МАЭ РАН и современным полевым материалам // Иллюстративные коллекции Кунсткамеры. Вып. 2. Сборник МАЭ. Т. LXVI. СПб. С. 87—109.
- Sonntag H. S.* (2007) Photography & Mapping Russian Conquest in Central Asia: Early Albums, Encounters, & Exhibitions 1866—1876 // *Journée d'Etude Centrasiatique. Atelier 3: Histoire du Turkestan russe et du Xinjiang.* Oct. 26. [Электронный ресурс]. URL: http://www.loc.gov/rr/print/coll/287_turkestan.html (дата посещения: 20.03.2024).
- Stasevich I. V.* (2016) Kazakh women wedding headdress in the MAE RAS collection // *Manuscripta Orientalia.* SPb. Vol. 22. No 1.
- Stasevich I. V.* (2019) Children's dolls in St. Petersburg Kunstkamera Kazakh collection // *Manuscripta Orientalia.* SPb. Vol. 25. No 2.

¹ *Шухов И. П.* Пресновские страницы: Повести, рассказы, очерки. Алма-Ата, 1975. С. 49.

Stasevich I. V., Popova L. F., Beknazarov R. A. (2022) Kazakh female rings in ethnographic collections of St. Petersburg: classification, local complexes, and ritual functions // *Manuscripta Orientalia*. SPb. Vol. 28. No 1.

Stasevich I., Prischepova V. K. (2023) Yudakhin photographic collections of traditional Kyrgyz culture in St. Petersburg Kunstkamera // *Manuscripta Orientalia*. SPb. Vol. 29. No 1.

E. A. Rezvan.

**The Turkic World of the St. Petersburg Kunstkamera
(To the Statement of the Problem)**

Since its establishment, the Kunstkamera Museum has been engaged in the collection of monuments pertaining to Turkish and Turkic culture. This was the consequence of a sustained programme of collecting, even at the time. The most significant period for the study of the Turkic world and the expansion of the museum's specialised collections occurred at the turn of the 19th and 20th centuries, coinciding with the incorporation of Central Asia into the Russian Empire. This period in the museum's history is associated with the name of F. W. Radloff (1837—1918), a pioneer in the field of Turkic linguistics and a long-standing and highly successful director of the museum. A further noteworthy episode in the history of MAE Turkology is the establishment of the Russian Committee for the Study of Central and East Asia in Historical, Archaeological and Linguistic Terms. During the course of its tenure, the Committee was able to organise a number of significant expeditions to East Turkestan, which proved to be of great consequence not only for Russia but also for the wider international scholarly community.

In the context of the profound challenges posed by the 1917 Revolution, the ensuing civil war, and the sweeping scientific and ideological transformations initiated by the nascent government, the Radloff Circle and the Turkological Cabinet, two entities closely affiliated with the museum, played a pivotal role in safeguarding the legacy and traditions of Russian Turkology. The history of the St. Petersburg Kunstkamera is closely intertwined with the work of numerous esteemed Turkologists, including D. A. Klementz (1847—1914), N. F. Katanov (1862—1922), P. M. Melioransky (1868—1906), A. N. Samoilovich (1880—1938), S. E. Malov (1880—1957) and V. V. Bartold (1869—1930). It is noteworthy that the museum currently conducts approximately one field trip per year for its Turkologists.

A further reason for the museum's pride is its extensive archival photographic collection. This collection has the potential to serve as the

foundation for a comprehensive corpus of "Turkestan" photography, accompanied by a list of photographers' names and biographies. The Turkic world at the St. Petersburg Kunstkamera undoubtedly constitutes an important and, to some extent, independent component of Russian Turkology. In this regard, the most crucial objective is to produce a comprehensive monograph on the subject matter and a catalogue album that could showcase the multifaceted realm of MAE Turkology.